

В эту ночь Звезда
одна в постели.
У Ангела
нет входного билета
на эту ночь. Почему?
Она так жалеет
об этом...
Но он на съемках.
И все-таки она ждет
его с нетерпением,
лихорадочным,
как дрожь.
Ей холодно спать
одной. И тогда
она пишет ему письмо.

Как деревенский Ангел на велосипеде не смог полюбить Голливуд

Звезда среди паладинов

Звезда пишет по-французски, хотя дело происходит в Голливуде — но ведь он француз до мозга костей, этот ее Ангел... «Приходи, приходи скорее взять меня, — нервно скрипит перо. — Посмотри на меня так, как смотрел раньше, и возьми так, как уже брал. Я твоя, когда захочешь... У меня стеснение в груди, перед глазами все плывет... Ох! Мой Ангел, приходи, освободи меня от всех тягот моих...» А когда Ангел, невысокий и кражистый, с типичной фигурой французского крестьянина, наконец приходит, она стремительно бросается ему на шею, обнимает, целует, как будто разлука длилась нескончаемые годы. А ведь они не виделись всего несколько часов...

Так по-голливудски приторно начинает французский журналист Марк Сиш рассказ об одном из самых знаменитых романов первой половины двадцатого века. Звезда — это Марлен Дитрих, уже завоевавшая мировую славу после «Голубого ангела» и «Марокко». В Голливуде ей тоже повезло. А вот Ангел меньше всего похож на бесплотное духовное существо. Французский актер Жан Габен обидными ногами стоит на земле. Но теперь уже, к его страшному разочарованию, не на своей любимой, французской, а на американской, чужой, хотя и гостеприимной.

1942-й. Соединенные Штаты вступают в войну, которая уже обожгла всю Европу. Но прекрасное лето в Калифорнии наполнено обычной, мирной кинематографической суетой. Среди милой киносуеты два европейских «священных чудовища» завоевывают Голливуд щека к щеке. И легче при этом, конечно, ей — несравненной Марлен.

В Берлине она начинала в середине 20-х с маленьких театриков, потом снималась в маленьких ролях. Вышла замуж за Рудольфа Зибера — он останется ее мужем навсегда. И прославилась там, на родине, чтобы потом в Голливуде сниматься у тогдашних «асов» кинорежиссуры, таких, как Эрнст Любич и Фрэнк Борзедж.

Когда в ее жизнь вошел Ангел, она только что рассталась со своим верным «паладином» — писателем Эрихом Марией Ремарком. Злые языки поговаривали: он будто бы с первой встречи признался ей, что страдает импотенцией, и добавил — если она

захочет, он может стать для нее «очаровательной лесбияночкой». А ей было плевать — она-то считала, что уже видит любого мужчину насквозь. И тут появился Ангел на деревенском велосипеде (Ремарк презрительно называл его Велосипедистом, для него в Габене не было ничего ангельского — обычный сельский мужлан). Конечно, такому никогда не написать «На Западном фронте без перемен». Но Марлен совсем не этого от него ждет... «Габен — мужчина, супермужчина, — скажет она позже. — Идеальное существо, какое женщины видят в снах. У него есть все, чтобы покорить любую. Во мне он зажег огонь, который не погаснет никогда».

В Голливуд на велосипеде

К моменту встречи с Марлен Дитрих Габен чувствовал себя обиженным судьбой. Биографы делают смелый вывод, что это чувство ущемленности, собственно, и бросило его в объятия знаменитой звезды. Все, что осталось от его прежнего брака, — как раз французский велосипед. И еще аккордеон. А ведь пару лет назад Жан Габен был самым знаменитым из французских артистов своего поколения, его любили, им восхищались. Но война пустила всю карьеру по ветру. И личная жизнь тоже рухнула. Вторая жена Габена, Жанна Мошен, сценическое имя Дориана, танцевала обнаженной в Казино де Пари. Она изменяла ему, а он изменял ей. В 1940 году в Париж входят немцы. Габен, как и все, бежит на юг вместе с Дорианой. Забавная парочка: они едут на «Бьюике» — Габен с велосипедом и аккордеоном, а Дориана даже летом не снимая дорожных мехов, подаренных ей богатыми любовниками, посещавшими самое знаменитое парижское казино. Бегство от войны превращается в бегство от самих себя. Их преследуют ссоры. Габен взрывается на миге семейных отношений где-то возле Тулузы. Он оставляет жену в «Бьюике» и дальше едет на велосипеде, к которому привязывает аккордеон. Его сердце разбито.

Но и это еще не все. Куда ехать? Все теперь отправляются в «Оливуд» (так, с явным галльским акцентом, Габен произносит английское «Холливуд»). Туда уехала и Мишель Морган, чудесная актриса с наивными и светлыми глазами, полными любви — с ней он снимался в «Набережной туманов», они пережили тогда такой за-

мечательный роман... Она, конечно, помнит его. И он посылает ей телеграмму в Америку: «Это я, я еду!» Сколько времени прошло? Она отвечает ему скромно и коротко: «Если ради меня, то не надо.» С досады Габен раздолбал велосипед. Но тут же купил себе новый в ближайшей лавке. Все равно надо ехать туда, где все.

И вот в феврале 1941-го он в Нью-Йорке. У него пачка долларов, адреса друзей, аккордеон и велосипед. Он пробудет в Америке немногим более двух лет. Поймет, что может жить только в одной стране, — во Франции. И единственной американской любовью Габена станет немка Марлен Дитрих.

Разрушительница очагов

Они встретились летом 1941-го года. Габен, еще никому в Америке не известный (и, кстати, ничего путного так и не сделавший в Голливуде), приглашен за столик знаменитой кинодивы. Им сразу становится хорошо вместе: ведь она тоже из центральной Европы, его французская жизнь хорошо гармонирует с ее немецкой холодной суховатостью, под которой тлеет огонь. Она говорит по-французски, и Габен учит ее уличному жаргону парижан. А потом... они вместе едят кордон-блю. Это, может быть, одна из основных причин, по которым парижанин, привыкший к изысканной французской кухне, так и не принял Америку. Легенда гласит, что позже, уже во время совместной жизни, Марлен Дитрих пришлось научиться жарить рагу молодого барашка с тушеной капустой — специально для любимого. Это неправда. Марлен Дитрих великолепно готовила, прошла школу гастрономии еще в Германии у австрийского повара Людвиг фон Карпати, коллекционировала сборники рецептов кухонь разных народов, и сам американский писатель Джон Дос Пассос называл ее «милой немецкой хозяйкой».

Марлен Дитрих любит его, всячески обхаживает. Он живет как счастливы набоб, и даже его любимый велосипед пылится в гараже. А вот аккордеон иногда выходит на свет: в домик счастья приходят друзья Габена — как правило, беглецы из оккупированной Франции, — и он играет и поет для них французские песни.

Но выходить все-таки иногда приходится. И на приемах, где Дитрих в мужском, но облегающем костюме

просто неотразима, Габен, может быть, впервые чувствует себя деревенским мужиком, чужим в этой Америке, кем-то вроде лапотника среди белых манишек. «Габен нежный, мягкий, — вспоминала позже Марлен Дитрих. — Но он еще и упрям, ослиная башка, и ревнив, и у него явное чувство собственника».

Голливудские приключения Марлен не уступали ее артистической славе. Всевозможные лиги защиты нравственности называли ее «воровкой чужих мужей» и «разрушительницей очагов». Вокруг нее явно вился «сатанинский» душок роковой женщины. Его-то Габен и возненавидел всей душой, помня о том, какой дешевой оказалась этот же душок вокруг Дорианы. А радио каждый день передает военные сводки из Европы: американские войска вовсю воюют. Не дремлет и французское Сопротивление. И Габен не выдерживает. «Разыгрывать гиньоль, петь и выплясывать перед людьми, которые завтра отправятся на бойню, — это для меня маловато.» Известность, богатство, счастливая жизнь с любимой женщиной — все побоку. Габену не сидится в американском раю. Он хочет воевать. Нежданно принимает решение и Марлен: она тоже поедет волонтеркой, поддержать боевой дух американских солдат прямо там, на фронте.

Это их первое расставание, самое длительное — полтора года. Последний вечер — они идут в кино на фильм с Хэмфри Богартом, самым знаменитым актером тех лет, символом простого, благородного, мужественного янки. Габен дарит Дитрих, по поздним свидетельствам, реки бриллиантов. Это слишком похоже на разрыв...

Ленивец или мистер Дитрих?

Но разрыва еще нет. Они встретятся на фронте — и эта встреча поседевшего героического офицера и великой артистки, прославившейся в очередной раз в ином театре, — военных действий, описана многократно. Война окончена. Габен возвращается во Францию. Дитрих тоже приезжает в Париж, снимает квартиру. Роман продолжается. Но трещины в нем все заметнее... Они вместе снимаются во французском фильме «Мартен Ру-маньяк» — и это один из самых неудачных фильмов в карьере и Ангела, и Звезды. Песня на слова Жака Превера «Мертвые листья», грустная песня расставшихся и тоскующих лю-

бовников, которую весь мир знает в исполнении Ива Монтана, была написана для них, но они только раз исполнили ее вместе в тесном дружеском кругу. Ему 41 год. Ей — уже 44. Габен мечтает превратиться в «ленивца», классического французского буржуа-крестьянина с семьей, детьми, фермой, где коровы, лошади и виноградники, и с традиционными семейными обедами на свежем воздухе. Совсем не такие планы у Марлен: она хочет обратно в Голливуд.

В январе 1949 года Габен, которому теперь уже перевалило далеко за сорок, встречает тридцатилетнюю манекенщицу Доминик. Еще через два года они поженятся. Больше жен у Габена не будет. А Марлен Дитрих, которая так и не развелась (и не разведется) со своим Руди Зибером, все еще любит погрузившего Ангела. Она шлет ему страстные и тоскующие письма — вроде того, с чего начинается наша история. От этих писем Габен мрачнеет, хмурится, и в конце концов перестает отвечать на них.

Однажды старого Габена попросят рассказать о причинах их расставания подробнее. Избалованный славой и женским вниманием великий актер, национальный символ Франции, скажет с мужикой прямоотой: «Да ведь я человек, привыкший командовать. И мне совсем не хотелось, чтобы в один прекрасный день меня назвали мистером Дитрих...»

Через двадцать шесть лет после разрыва Габена и Дитрих умрет самый незавидный персонаж этой истории — Руди Зибер. Умрет муж кинозвезды мирового класса, секс-символа и просто символа, умрет человек, которого международный кинопиар никогда не принимал всерьез, умрет счастливый мужчина великой женщины по имени Марлен, тот самый «мистер Дитрих», которым так боялся стать Жан Габен. Он прожил счастливую жизнь в браке, невзирая ни на что. Звезда скорбит. А еще год спустя в больнице умирает и ее старший Ангел, отказавшись в критическую минуту принять лекарство из рук не нравившейся ему дежурной медсестры. «Я овдовела второй раз», — скажет журналистам больная, с трудом передвигающаяся по маленькой парижской квартирке старуха — красавица Марлен, одинокий и безутешный символ безвозвратно уходящего времени.

По материалам
зарубежной прессы
подготовил Дмитрий САВОСИН

28.10.04
Дитрих Марлен